

УДК 070.13

EDN [DPGHJQ](#)

DOI 10.17150/2308-6203.2023.12(2).248-262

Научная статья

Советская журналистика 1960–1980-х гг. и российская журналистика 1990-х гг.: исторические мифы и реальная практика корреспондентов

Битюцкая В.В.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация, v.bityutskaya@spbu.ru

Аннотация. В статье автор предпринимает попытку переосмыслить некоторые аспекты работы советских журналистов. Необходимость такого анализа вызвана обостряющейся в российском обществе полемикой о ситуации, складывающейся в российской медиасреде. Нередко участники дискуссии и лидеры мнений обращаются к закрепившимся в массовом сознании образам «свободных 90-х» как золотого времени для журналистики в России, сравнивая их с «советской пропагандой», существовавшей ранее и не дававшей возможности объективно освещать события и жизнь в стране. Так романтизация одной эпохи и демонизация другой искажают образы журналистики и журналистов в исторической памяти. В то же время одно из основополагающих правил журналистики — это объективное отражение событий: освещение разных точек зрения, демонстрация плюсов и минусов. Советская школа журналистики оставила богатое наследие. Советские журналисты нередко становились писателями, в совершенстве владея искусством слова. Очерк, сложный, интересный и почти забытый сегодня жанр, в СССР занимал ведущие позиции в газетах. Новостное агентство ТАСС не уступало по качеству работы мировым информационным агентствам. У журналистов были возможности писать о наболевшем, ставить острые вопросы, полемизировать, несмотря на довольно жесткую цензуру, которую осуществлял Главлит. Газеты развивались и увеличивали тиражи даже в отсутствие рыночной экономики. В данном исследовании развенчиваются некоторые из мифов о работе советских журналистов на примере редакторов и сотрудников союзных изданий, а также корреспондентов ТАСС — ведущего информационного актора в системе СМИ Советского Союза.

Ключевые слова. История журналистики, СССР, 1990-е годы, советские журналисты, цензура, ТАСС, «Известия».

Финансирование. Материалы обсуждены на XXVI международной научно-практической конференции «Журналистика XXI века» (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, 18–19 ноября 2022 г.). Публикация статьи профинансирована СПбГУ, приказ № 4657/1 от 26.04.2022.

Информация о статье. Дата поступления 28 ноября 2022 г.; дата поступления после доработки 17 марта 2023 г.; дата принятия к печати 10 апреля 2023 г.; дата онлайн-размещения 23 июня 2023 г.

Original article

Soviet Journalism of the 1960s–1980s and Russian Journalism of the 1990s: Historical Myths and Real Correspondents Practice

Valeria V. Bityutskaya

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation,
v.bityutskaya@spbu.ru

Abstract. In the article, the author attempts to rethink some aspects of the work of Soviet journalists. The need for such an analysis is caused by the growing controversy in Russian society about the situation in the Russian media environment. Quite often, the participants of the discussion and opinion leaders turn to the images of the «free 90s» that have become entrenched in the mass consciousness as a golden time for journalism in Russia, comparing them with the «Soviet propaganda» that existed earlier and did not give an opportunity to objectively cover events and life in the country. The romanticization of one era and the demonization of another distort the images of journalism and journalists in historical memory. At the same time, one of the fundamental rules of journalism is an objective reflection of events: coverage of different points of view, demonstration of pros and cons. The Soviet school of journalism has left a rich legacy. Soviet journalists often became writers, perfectly mastering the art of words. The essay, a complex, interesting and almost forgotten genre today, occupied leading positions in newspapers in the USSR. The TASS news agency was not inferior in quality to the world's news agencies. Journalists had the opportunity to write about the painful, to raise acute questions, to polemize, despite the rather strict censorship carried out by Glavlit. Newspapers developed and increased circulation even in the absence of a market economy. This study debunks some of the myths about the work of Soviet journalists on the example of editors and employees of allied publications, as well as correspondents of TASS — the leading information actor in the media system of the Soviet Union.

Keywords. History of journalism, USSR, 90s, Soviet journalists, censorship, TASS, Izvestia.

Funding. The materials were discussed at the XXVI International Scientific and Practical Conference “Journalism of the XXI century” (St. Petersburg State University, St. Petersburg, November 18–19, 2022). The publication of the article was funded by St Petersburg University, Order No. 4657/1 dated April 26, 2022.

Article info. Received November 28, 2022; revised March 17, 2023; accepted April 10, 2023; available online June 23, 2023.

Введение

За последний год в российском обществе, и в частности — в журналистской среде, резко обострились противоречия во взглядах на ситуацию в современной отечественной

журналистике. Разнятся и прогнозы относительно ее будущего. В СМИ и соцсетях нередко можно встретить аналогии этого будущего с советским периодом, который представляется как «десятилетия тотального

государственного контроля, цензуры и самоцензуры»¹, «железная хватка»² и даже период, когда журналистики «в принципе не было»³. Как правило, подобные оценки звучат от представителей профессионального сообщества, чья активная деятельность пришлась на 1990-е гг., которые, в свою очередь, романтизируются и противопоставляются советской школе журналистики как период, когда «профессия начала рождаться»⁴, время «профессионального расцвета»⁵, «потрясающей свободы»⁶, «огромной, невероятной свободы»⁷.

¹ Время оптимизма. Россия 1990-х глазами журналистки из США : интервью Мишель Картер // Svoboda.org : [сайт]. URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:DuYFkPzCf9YJ:https://www.svoboda.org/a/29227613.html&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>.

² Екатерина Шульман: «У каждого свои 90-е» / интервью с Екатериной Шульман (признана в РФ иноагентом) // Ельцин Центр : [сайт]. URL: <https://yeltsin.ru/news/ekaterina-shulman-zapros-na-peremeny-v-obshestve-rastyot/>.

³ Мы, журналисты, безусловно, проиграли. Татьяна Малкина — о путче 1991-го, российской журналистике и свободе / интервью с Татьяной Малкиной // Svoboda.org : [сайт]. URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:1z4eDQqadCAJ:https://www.currenttime.tv/a/tatyana-malkina-o-putche-i-rossiiskoi-zhurnalistike/31424178.html&cd=8&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>.

⁴ Там же.

⁵ Михаил Кожокин — о становлении российских СМИ как бизнеса : интервью // Ельцин Центр : [сайт]. URL: <https://yeltsin.ru/news/mihail-kozhokin-o-stanovlenii-rossijskih-smi-kak-biznesa>.

⁶ Екатерина Шульман (признана в РФ иноагентом): «У каждого свои 90-е» : интервью // Ельцин Центр : [сайт]. URL: <https://yeltsin.ru/news/ekaterina-shulman-zapros-na-peremeny-v-obshestve-rastyot/>.

⁷ «Ширли-Мырли» — недооцененный шедевр про 90-е : comment. Тамары Эйдельман (признана в РФ иноагентом) // YouTube-

Похожего мнения придерживаются и ряд зарубежных исследователей, подчеркивая, что наследие «государственной информационной машины» до сих пор живо в России, и Кремль контролирует не только отечественные, но и зарубежные СМИ, используя цифровые технологии для организации кампаний по дезинформации [1, р. 106]. И даже признавая тот факт, что цензура сегодня так же существует, причем не только в России, исследователи подчеркивают, что это наследие коммунистического строя [2, р. 29]. 1990-е годы при этом ставятся «коротким периодом свободы» и «временем, когда никто не мог изменить ни единого слова в тексте, не посоветовавшись с автором» [ibid., р. 35].

Таким образом все более укореняются в общественном сознании тезисы «журналистика в СССР — это пропаганда», «1990-е годы — время расцвета профессии». Возникает исторический миф, где обобщения и субъективная оценка популярных медиаперсон, заставших первое десятилетие после распада Советского Союза, становятся точкой опоры для суждений более молодых коллег. Но суждения эти кажутся однозначными и несколько однобокими, т.е. искаженно передающими действительность, чего журналистика должна избегать.

Научные исследования нулевых, за небольшим исключением, редко обращаются к положительному опыту советской журналистики. Подход к работе советских СМИ как к машине пропаганды является отчасти результатом резких политических

канал «вДудь» : [видео] (признан в РФ иноагентом). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QAvHuGRTL0A>.

изменений в политике и обществе в 1990-х гг., когда исследователи стали воспринимать и трактовать многие явления и события советского периода в негативном ключе, закрепив этот образ в массовом сознании и в сознании журналистов-практиков, которые сегодня делятся опытом с молодежью.

В то же время такое отношение и оценки не совсем соответствуют действительности и примерам из практики корреспондентов, работавших в советских СМИ. И потому актуальным становится переосмысление этого опыта работы. С тем, чтобы взять из него лучшее, как взяты из 1990-х смелость поднимать острые вопросы, вносить новые форматы и методы, свежий взгляд на профессию.

Экономическая модель и тип государственного устройства как факторы объективности

Говоря об экономических условиях, в которых существовали СМИ СССР, исследователь В.Л. Иваницкий, рассуждая с позиций сегодняшнего времени, подчеркивает, что система работала «как отрасль, состоявшая из специфических социалистических предприятий, функционирующих на основе внутрифирменной иерархии» [3, с. 64]. Особенность же такой социалистической фирмы, по его мнению, заключалась в том, что ее иерархия держалась как на экономических показателях, так и на установках господствующей идеологии. «Фигура предпринимателя, которая является центральной в классической фирме, была заменена фигурой ставленника партии. Особенностью социали-

стической фирмы было то, что она являлась проводником ряда идеологических установок партии по отношению к журналистским коллективам, своеобразным регулятором норм их жизни» [3, с. 64]. Последующий путь эволюции национальной журналистики и реорганизации информационных агентств автор связывает с трансформацией социалистической фирмы в капиталистическую. И, по мере того как это происходило, последней присваивались разнообразные полномочия, в том числе, и регулятора. Тесно связанные таким образом с командно-централизованной экономикой, будучи зависимыми от ее показателей, СМИ имели и характерные для нее проблемы. Однако убыточными они не были, хоть и имели в своей работе направления, которые приносили убытки. Отрасль же в целом могла обеспечивать финансированием в необходимом объеме все журналистские коллективы в стране. С экономической точки зрения вся система, по мнению исследователя, работала как медийный государственный концерн, «имеющий свою внутреннюю и экономическую, и культурную, и идеологическую, и кадровую логику» [там же, с. 65].

Творческие коллективы не были ответственны за финансовые показатели и находились на полном обеспечении государства, что позволяет исследователям говорить о патернализме в отношении СМИ со стороны государства.

Д.Л. Стровский придерживается мнения, что «журналистика советского периода стала отражением, прежде всего, тоталитарной традиции в системе партийно-государственного устройства, что определило все ор-

ганизационные и содержательные особенности ее существования» [4, с. 44]. Жесткое подчинение печати органам власти делало позицию самих СМИ идеологически выверенной. Воздействие партийной идеологии на многие сферы жизни определило прямолинейность журналистских оценок в отношении многих событий и фактов. «Если в центральной прессе эта упрощенность выглядела завуалированной благодаря профессиональному мастерству творческих сотрудников, то в местной она нередко выходила на первый план. Сложившаяся субординация между властью и журналистикой формировалась подчиненную позицию СМИ в системе этого взаимодействия» [там же, с. 286].

Эту мысль развивает П.Н. Нудный. Ссылаясь на содержание информационных процессов, он подчеркивает, что советские СМИ в большей мере являлись идеологическими учреждениями, нежели информационными, развлекательно-познавательными, художественными. «Они не просто строили свою работу в строгом соответствии с резолюциями ЦК КПСС, решениями местных комитетов партии. Вся их деятельность была единой идеологической кампанией, позволявшей держать население под постоянным идеологическим прессом, в целом эффективно управляя общественным сознанием» [5, с. 189].

Таким образом, может сложиться впечатление, что вне рыночных условий и при государственном регулировании журналистика не может быть объективной и качественной, а сами журналисты не заинтересованы во внимании читателя. Но это искаженное представление.

Во-первых, надо отметить, что перед журналистами и изданиями ставили другие цели и отслеживали эффективность с помощью иных механизмов, помимо прибыли. Так, например, одним из показателей, который учитывался в работе журналистов ТАСС, было количество цитирований той или иной информации (новости) в советских СМИ со ссылкой на агентство. Работали и личные амбиции авторов. Алексей Аджубей, приходя в «Известия» в 1959 г., превратил газету в самую читаемую в стране. За пять лет его работы редактором подписка выросла с 1,5 до 6 млн экземпляров [6, с. 51]. Советская модель государственного устройства не помешала молодому журналисту реформировать подходы к работе и поднимать острые темы, меняя газету в лучшую сторону.

Во-вторых, рыночная модель сама по себе не является гарантом качества материалов. Со сменой политического строя в 1990-х журналистика превращается в рынок, где заказчик нередко начинает определять темы и тональность материалов. Вступая в роли субъекта экономики, массмедиа функционируют по ее законам. «Освободившись от “партийных путей” прежних лет, коммуникативный процесс попал в другие “пути”, связанные с западными ценностными ориентациями» [7, с. 234]. Этим исследователи объясняют появление в обществе повышенного интереса к частной жизни и потребительским ценностям в 1990-х и начале нулевых. Центр внимания аудитории в этот период смещается с политической тематики на развлекательно-потребительскую. При этом телевидение начинает играть ведущую роль,

предоставляя большое количество разнообразного развлекательного контента, включая в сетку вещания многочисленные сериалы и шоу.

Еще одно явление, отличающее современную журналистику от советской — это реклама, оказывавшая непосредственное влияние на работу того или иного СМИ не меньше, если не больше, чем идеологические установки. Помимо выполнения таких функций как информирование, развлечение и проповедование, массмедиа не могут не укреплять контакт с аудиторией. Но уже не столько в борьбе за интересы этой аудитории, сколько в борьбе за рекламодателя, который учитывает показатели читаемости и аудиторных охватов. При этом в борьбе за зрителя (слушателя, читателя) масс-медиа манипулируют информацией, которая проходит в их системе соответствующую обработку, принимает новые формы, меняются способы ее подачи [7, с. 234].

Получается, что аксиологические функции СМИ в рыночной системе экономики базируются на материальном аспекте вместо государственных и общественных интересов. Интересантов здесь, безусловно, больше, чем в социалистической модели, но говорить о том, что в этих условиях пресса свободна, а журналист может писать, о чем хочет, было бы некорректно. Изменилась форма цензуры и тип цензоров, но сама по себе цензура никуда не делась. В этом смысле советские СМИ кажутся даже более объективными и честными, так как не декларируют собственную независимость. И здесь кажется важным не отказываться от опыта советских журналистов, а, наоборот, принимая

во внимание трансформацию форм цензуры, обращаться к лучшим примерам их практики, когда четкие идеологические установки и отсутствие рыночной конкуренции среди изданий не мешали делать материалы, которые по уровню качества текста нередко можно было приравнять к литературным произведениям. В качестве некоторых примеров можно привести очерки Анатолия Аграновского, Василия Пескова, Ярослава Голованова и других советских писателей, работавших в этом жанре — наиболее близком к художественной литературе.

Влиянию идеологических установок на объективность и качество работы корреспондентов стоит также уделить особое внимание.

Роль идеологии, степень творческой свободы и публичная полемика в работе журналистов

По мнению П.Н. Нудного, в тематическом плане советские издания придавали особое значение созданию положительного облика власти и пропаганде ее решений. Ученый ссылается на партийные документы, которые «неизменно нацеливали на необходимость повышения идеиного уровня советских людей, пропаганду решений партии и, особенно, «широкое распространение положительных примеров»» [5, с. 35]. В практике ТАСС действительно преувеличивало освещение положительных примеров, а элементы критики были довольно редки. Но такая ситуация не рождала внутреннего протеста среди журналистов и не мешала их работе. Корреспонденты ТАСС давали новости, стараясь придерживаться принципов так на-

ываемой «островной журналистики» [8, с. 33] — журналистики факта, оставляя оценочный подход газетам и журналам.

Кроме того, распространение положительного опыта само по себе не является признаком некачественной журналистики. Более того, умение сделать интересным журналистский материал, в котором нет «чернушки», высоко ценится, но сегодня в большей степени — в сфере пиара и маркетинга. Что касается СМИ, то особое место среди рейтинговых тем занимают чрезвычайные происшествия. «Ничто так не привлекает внимание человека к телевизору, как взрывы, пожары, убийства, дорожно-транспортные происшествия, падения самолетов, митинги с разрушением зданий и прочее», — пишет П.В. Сухарников [9, с. 156]. Исследователь добавляет, что ЧП — это «гарантированный зритель, гарантированный рейтинг и, как следствие, доход» [там же]. Ставку на ЧП в новостях часто делали в 1990-е. Нередко центральным сюжетом того или иного выпуска становились именно преступления, несчастные случаи, катастрофы и подобные рассказы о них. Возможно, этот факт тоже сыграл свою роль в создании образа «свободной прессы 90-х», которую сравнивали с «замалчивающей факты» советской журналистикой. Однако, стоит отметить, что обилие кровавых подробностей не определяет качество сюжета или материала, хотя и собирает, как правило, большую аудиторию. Но и сама аудитория со временем устает от жестокости и цинизма. Возникает запрос не только на разнообразие, но и на определенные моральные рамки в отношении жесткого контента. Это доказывают

существующие сегодня ограничения: возрастная маркировка, предупреждения на экране, запрет публикации материалов со сценами насилия и жестокости в соцсетях, который контролируется определенными алгоритмами. Причем ограничения эти действуют не только в российском медиаполе. Возможно, это связано с тем, что в последние годы в медиапространстве наиболее распространен и популярен видеоконтент. Однако его чрезмерное потребление развивает «иллюзорную уверенность в неограниченной доступности любого контента в любое время, что, следовательно, формирует ложное отношение сознания, связанное с такими понятиями, как вездесущность, доступность, свобода, собственное бессмертие, безнаказанность, контроль и манипулирование, что в целом способствует росту аномии и ангедонии» [10, р. 66].

Здесь мы снова возвращаемся к аксиологической функции журналистики, которая сегодня становится предметом отдельных исследований. Особенно в отношении молодежи, ценности которых отличаются от ценностей старшего поколения не только в силу возраста, но и из-за изменившегося соотношения между виртуальными и реальными коммуникационными практиками [11, р. 39].

Пристрастная трансляция насилия и трагедий, как уже было сказано, порождает цинизм и тревогу, в отдельных случаях даже панику, которая, в свою очередь, снижает критичность восприятия информации [12, с. 374], что становится благодатной почвой для распространения фейковых новостей. Ничем не ограниченная свобода слова, как ни парадоксально, теряет свою значи-

мость и ценность. Если автор может писать и говорить все что угодно, не неся ответственности за свои слова, не осознавая их весомость — ценность такой информации оказывается под вопросом.

Безусловно, цензурные рамки, в которых существовала советская журналистика, были подчас слишком жесткими, что создавало проблемы на местах и тормозило развитие отрасли. Воздействие партийной идеологии на многие сферы жизни определяло прямолинейность журналистских оценок в отношении многих событий и фактов. Л. В. Стровский пишет, что вместе с тем отмечает, что журналистике советского периода присущи человеколюбие и вера в справедливость. Пресса нередко отмечала недостатки окружающего мира с позиций морали и нравственных принципов. При этом подобный подход не был сформирован партийными установками, а вырабатывался в соответствии с общественной моралью и профессиональными журналистскими нормами. Подобное сочетание пропагандистской и нравственной функций журналистики советского времени было всеохватным и взаимопроникающим. «Это формировало особое содержание журналистики, предопределило уникальный характер ее взаимодействия с массовой аудиторией. В силу сказанного очевидной выглядела значимость журналистики в формировании политических настроений и взглядов, в воспитании определенных моральных и духовных качеств людей» [4, с. 289].

Отсутствие публичной критики вменяли в вину советским журналистам и современники. Так, во время поездки советских журналистов в Америку в 1955 г. эта тема неодно-

кратно поднималась в беседах с американскими журналистами. Президент пресс-клуба Сан-Франциско спрашивал делегатов: «Я могу, если захочу, обругать любое высокопоставленное лицо в государстве, даже самого президента Эйзенхауэра. Можете ли вы там, у себя, ругать правительственные чиновников?»⁸. На что последовал ответ: «Просто ругать у нас никого не положено. А критика является основой основ нашей государственности. Можно привести много случаев, когда на основе критики простых граждан, прозвучавшей через газеты, основательной, аргументированной критики, не только работники министерств, но и министры лишались постов и портфелей. А вот ругать безосновательно, клеветать и лгать в газетах у нас действительно запрещено. Есть закон, карающий за клевету в печати»⁹.

Конечно, стоит учитывать, что эту цитату Борис Полевой, работавший в «Правде», приводит в своей книге в 1950-е гг., и иным публичный ответ быть не мог, даже если в ряде случаев озвученная позиция расходилась с реальностью. Однако декларирование взвешенного, и даже в какой-то степени сдержанного, подхода к газетной критике, отношение к ней как к крайней мере воздействия ценно для понимания базовых установок советских СМИ.

Остановимся подробнее и на тезисе об отсутствии творческой свободы в работе советских корреспондентов, который формулируется как некое следствие подчиненной позиции СМИ по отношению к власти и государственным идеологическим

⁸ Полевой Б. Американские дневники. Москва : Детгиз, 1957. С. 143.

⁹ Там же. С. 143–144.

установкам. Этот тезис имеет смысл разобрать на примерах из практики корреспондентов ТАСС: агентство не только являлось первоисточником для многих СМИ в СССР, но и было своего рода камертоном настроений для журналистского сообщества. Потому практика тассовцев будет показательной. Журналисты, работавшие в отделениях ТАСС в Москве и Ленинграде, отмечают, что информагентство избегало элементов критики и острых тем. Если требовалось написать о чем-то, что могло вызвать резонанс, корреспонденты использовали правильные формулировки, зная, что «пропустят», а то, что может вызвать вопросы, согласовывали с редакторами¹⁰.

У сотрудников зарубежных корпунктов дело обстояло по-другому. Внимание и интерес к зарубежным новостям были очень велики. В стране был создан мощный информационно-пропагандистский комплекс. Однако власть сохранила монополию в информационном пространстве страны, и доступ ко всей информации, которая поступала из-за рубежа, имели далеко не все в Советском Союзе [13, с. 290]. Поэтому происходила своего рода диверсификация новостного портфеля. По свидетельствам корреспондентов, работавших в ТАСС в 1970–1980-е гг., у агентства существовало около двадцати каналов распространения информации, каждый из которых имел определенный круг подписчиков. Таким образом требования к идеологической части новостей и цензурные ограничения на практике не

ограничивали эту часть журналистов в выборе тем [14, р. 66].

Наименее доступным для широкого круга читателя были Особые закрытые письма (ОЗП). Эту подборку новостей (бюллетень) могли получать только члены политбюро. При этом генеральный директор ТАСС определял число тех, кто ее получит. Как правило, это было очень ограниченное число лиц, а иногда только Генеральный секретарь ЦК КПСС. Вторым после ОЗП по уровню закрытости бюллетенем считались Информационные письма корреспондентов (ИПК). Их тираж составлял 500 экземпляров. Внутри ТАСС получали по одному экземпляру на редакцию, а также экземпляры для заместителей генерального директора. Тираж ИПК распространялся среди членов ЦК, МИД, КГБ, Министерства обороны, доставлялся заместителю председателя Совета Министров. В ИПК попадала вся информация, касающаяся СССР, в том числе негативная [15, с. 106]. «Был такой случай, — рассказывает Игорь Макурин. — В Женеве или Бергене проходила научно-практическая конференция “Советский союз после Брежнева”. И этот материал выпустили вместо ОЗП, которые направили бы Черненко или Андропову, в ИПК. Черненко позвонил Лосеву (Сергей Лосев — генеральный директор ТАСС в 1979–1988 гг. — прим. авт.) и весь тираж собирали по подписчикам. Тот, кто визировал материал — тот и ездил на машине, забирал. Но собрал только половину. Часть люди, конечно, спрятали, не вернули»¹¹.

¹⁰ Из интервью с корреспондентами ТАСС. URL: <https://drive.google.com/open?id=1fJa6SjvGhH5cqRWoNQhFA5jmSle8NPxV>.

¹¹ Из интервью с корреспондентами ТАСС. URL: <https://drive.google.com/open?id=1fJa6SjvGhH5cqRWoNQhFA5jmSle8NPxV>.

Еще одним бюллетенем «ограниченного пользования» являлся «Вестник АД». В Вестник с пометкой «А» входила оперативная иностранная информация для служебного пользования, которая впоследствии могла пойти в печать, подписчикам и в газеты. А они на свое усмотрение принимали решение о дальнейшей публикации. Это был своего рода рабочий материал для журналистов от ТАСС. Пометка «Д» означала дополнительную информацию. В «Вестник АД» входила более злободневная информация, иногда частично антисоветского характера, но не настолько острая, как та, что попадала, например, в ОЗП.

Существовало еще несколько «Вестников». «Вестник внешнеторговой информации» (его подготовкой занимался ЭКОТАСС), «Бюллетень иностранной научно-технической информации» из отраслевых местных СМИ, «Бюллетень почтовой информации» (БПИ), где публиковались материалы корреспондентов ТАСС из иностранной печати, «Вестник стран Востока» и еще масса новостных подборок вплоть до «Вестников городских и региональных газет» в различных регионах СССР.

Такое количество открытых и закрытых «Вестников» и бюллетеней предоставляло журналистам широкие возможности, главная из которых — писать без оглядки на цензуру, неофициально существовавшую во всех СМИ СССР и осуществляющуюся сотрудниками Главлитта. Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати также было ответственно за постановления, регулирующие работу издательств и редакций [16, с. 201].

Еще одна уникальная возможность тассовцев — доносить до ру-

ководства страны информацию или отличную от официальной точку зрения на тот или иной вопрос. Самы журналисты, которые работали в иностранных редакциях в то время, говорят о большом количестве аналитической работы и большой журналистской свободе.

«Ограничения, в основном, касались союзной информации, — подтверждает Анатолий Головастов. — Иностранной — в меньшей степени, потому как если информация не укладывалась в общепринятые рамки социалистической морали и идеологических концепций ЦК КПСС, она шла в закрытые «Вестники» — по жалуйста, пиши. В советское время тассовцы были самыми информированными журналистами. К нам относились с большим уважением. Даже в посольствах. У корреспондента ТАСС был синий служебный паспорт, и в том же Ираке или Ливане корреспондент входил в так называемые оперативно-дипломатические сотрудники посольства, хотя не был дипломатом. Корреспонденты ТАСС присутствовали на всех совещаниях и летучках»¹².

«ТАСС был уникален тем, что ты мог писать на любые темы. Не было запретов», — говорит в другом интервью Игорь Макурин¹³.

Слова коллег подтверждает и Владимир Солнцев: «Существовала масса возможностей: писать в разных жанрах; доводить, в том числе до высокого руководства, свою точку зрения, которая могла отличаться от официальной точки зрения посольства, например. Существо-

¹² Из интервью с корреспондентами ТАСС. URL: <https://drive.google.com/open?id=1fJa6SjvGhH5cqRWoNQhFA5jmSle8NPxV>.

¹³ Там же.

вала масса изданий, бюллетеней разной степени открытости–закрытости, в которых можно было, и, находясь в Москве, и, в особенности, находясь за границей, писать что-то важное»¹⁴.

Независимость и свободу тассовцев члены руководства отделений агентства объясняют тем, что люди, принимавшие решения на высшем уровне, нуждались в незаинтересованном, объективном взгляде на события, происходившие за рубежом. Отчеты из КГБ и МИД сверяли с тассовской информацией. Сводка КГБ опиралась на данные агентурной сети, члены которой, по свидетельствам участников тех событий, входили в состав отделений ТАСС и располагали той же информацией. Логично предположить, что и КГБ, и МИД должны были показывать в отчетах результаты их деятельности, улучшения, которые достигались благодаря их работе. То есть, оставался риск не вполне объективной информации. У журналистов же были другие задачи. Кроме того, за границу попадали, как правило, амбициозные корреспонденты и стажеры, которые стремились проявить свой высокий профессионализм — залог того, что командировку продлят. Информация из трех источников сверялась, после чего ведомствам могли быть адресованы вопросы о причинах разнотечений с тассовской информацией. Свидетельства журналистов косвенно подтверждаются архивными источниками. Так, информационные сообщения ТАСС входили в подшивки Иностранных справочного отдела

¹⁴ Из интервью с корреспондентами ТАСС. URL: <https://drive.google.com/open?id=1fJa6SjvGhH5cqRWoNQhFA5jmSle8NPxV>.

ЦК¹⁵, Министерства просвещения РСФСР¹⁶, Антифашистского комитета советских женщин в СССР¹⁷ и других ведомств.

Советские журналисты могли вступить и вступали в полемику с коллегами и признанными авторитетами в той или иной области. Один из известных примеров — публикация Анатолия Аграновского в «Известиях», посвященная медицинскому открытию врача-офтальмолога Святослава Федорова, который в 1960 г. провел первую в СССР операцию по имплантации искусственного хрусталика глаза. Тогда в «Правде» вышла критическая статья, в которой подобные операции были названы «антифизиологичными» [17, с. 9]. Федоров был вынужден уйти из НИИ. Врач поехал в столицу и обратился за помощью к известному очеркисту Аграновскому, который работал в «Известиях». Журналист от имени редакции позвонил заместителю министра здравоохранения России и спросил его мнение о ценности работы Федорова. Уже одного этого оказалось достаточно, чтобы офтальмолог восстановился в НИИ. Но на этом история не закончилась. Спустя пять лет Аграновский, дождавшийся требуемых «отдаленных результатов»,

¹⁵ ГАРФ. Ф. 4459. О. 26. Д. 125. Иностранный справочный отдел. Дело № 211. Спецзадание. Материалы ТАСС о поездке советских журналистов в США. Секретно.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 2306. О. 76. Д. 2720. Документы о выделении ТАСС комплекта вестников зарубежной информации отделу международных связей Министерства просвещения РСФСР для служебного пользования.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 7928. О. 2. Д. 449, 473, 589, 660, 1223. Антифашистский комитет Советских женщин. Материалы о женском движении и положении женщин в Уругвае, Албании, Швеции, Люксембурге.

написал статью «Открытие доктора Федорова», которая «открыла» врача для советского, а позже и международного профессионального сообщества. Операция была узаконена в 1967 г. [18, с. 85] и на сегодня хирургическое вмешательство, которое заключается в замене помутневшего хрусталика на искусственный, является единственным действенным способом лечения катаракты [19, с. 62]. Анатолий Аграновский не побоялся вступить в дискуссию с коллегами и светилами в области офтальмологии и победил в споре об «антифизиологичности» методов Федорова, прия, как журналист, на помочь талантливому врачу.

Объем данной статьи позволяет рассмотреть лишь некоторые из примеров искаженных представлений о советской журналистике и журналистике 1990-х гг. Приводя их, автор ставит своей целью обозначить необходимость более глубокого анализа поздней советской периодики и журналистики первого послесоветского десятилетия, учитывая как их положительные, так и отрицательные стороны, качество и тематику текстов, цели и методы авторов. Представляется, что сегодня это необходимо сделать не только потому, что сравнение этих временных отрезков в медиасреде иногда имеет манипулятивные цели, но и потому что по прошествии времени можно посмотреть на обе эпохи с некоторого расстояния, оценить журналистский процесс, не будучи включенными в него непосредственно, и, как следствие, более объективно.

Заключение

Данное исследование не ставит своей целью восхваление об-

раза советской журналистики и, несмотря на то, что акцент сделан на положительных ее аспектах, автор в полной мере понимает, с какими сложностями сталкивались советские журналисты: цензурные рамки, проверки и перепроверки текстов, жесткая самоцензура, отсутствие плюрализма мнений относительно решений партии и пр. Тем не менее, как уже говорилось выше, переосмысление этого опыта с точки зрения его положительных результатов и ценности публицистического наследия СССР сегодня является необходимым противовесом мифологизации советских медиареалий.

Свобода слова подразумевает не только право выражать свое мнение широкой аудитории, но и ответственность за обнародованную информацию. Это требует смелости брать на себя риск. Умения находить надежные источники и работать с ними. Взвешенно оценивать последствия своих материалов и, прежде всего, их пользу для общества. Все это свойственно качественной журналистике вне зависимости от политического или экономического устройства страны. Куда более важную роль здесь играют личные качества самого журналиста: талант, честность, человеколюбие, авторская дисциплина и ответственность. Подобные примеры можно найти и в современной журналистике, однако опыт советских корреспондентов не должен быть им противопоставлен. В своих лучших проявлениях он мог бы стать точкой опоры и вдохновения, примером хорошей работы, качество и результат которой не зависят от внешних обстоятельств.

Список использованной литературы

1. Vorster O.R. The Soviet Information Machine: The USSR's Influence on Modern Russian Media Practices & Disinformation Campaigns / Oli Rose Vorster // London School of Economics Undergraduate Political Review. — 2021. — Vol. 4, no. 2. — P. 106–112.
2. Schimpfössl E. Post-Socialist Self-Censorship: Russia, Hungary and Latvia / E. Schimpfössl, I. Yablokov // European Journal of Communication. — 2020. — Vol. 35, no. 1. — P. 29–45.
3. Иваницкий В.Л. Модернизация журналистики : методологический этюд / В.Л. Иваницкий. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2010. — 358 с.
4. Стровский Д.Л. Отечественные политические традиции в журналистике советского периода, 1917–1985 гг. : дис. ... д-ра полит. наук : 10.01.10 / Д.Л. Стровский. — Екатеринбург, 2001. — 331 с.
5. Нудный П.Н. Разработка и реализация информационной политики в СССР (1964–1985 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / П.Н. Нудный. — Москва, 2007. — EDN [QESJRF](#).
6. Сарма О.В. А.И. Аджубей: «Он открыл новую эпоху в нашей журналистике» / О.В. Сарма, В.И. Антонова. — DOI 10.47475/2070-0695-2022-10305. — EDN [FAHKNB](#) // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2022. — № 3 (45). — С. 49–54.
7. Новикова Т.Е. Коммерциализация отечественной журналистики как важный фактор ее развития / Т.Е. Новикова. — EDN [ZGMUOH](#) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2017. — № 2. — С. 232–236.
8. Корнилов Е.А. Массовые коммуникации на рубеже тысячелетий / Е.А. Корнилов, Е.Е. Корнилова. — Москва : Флинта, 2013. — 256 с. — EDN [SDRNM](#).
9. Сухарников П.В. Освещение чрезвычайных происшествий в новостном вещании зарубежных и российских телеканалов / П.В. Сухарников. — EDN [VWDKKD](#) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2016. — № 1 (69). — С. 153–158.
10. Grigoryev S.L. Screen Culture Ontology: Towards the Problem Statement / S.L. Grigoryev. — DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-2-57-68. — EDN [FDCFPI](#) // Communicology. — 2022. — Vol. 10, no. 2. — P. 57–68.
11. Media Activity of Modern Russian Youth in the Context of Value Systems / A. Gureeva, M. Anikina, O. Muronet [et al] // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. — 2022. — Vol. 1. — P. 25–44.
12. Кузина Н.В. Информационная безопасность в условиях пандемии: методы стабилизации состояния социума в электронных СМИ и интернете / Н.В. Кузина. — DOI 10.33619/2414-2948/58/38. — EDN [YDHCSY](#) // Бюллетень науки и практики. — 2020. — Т. 6, № 9. — С. 357–394.
13. Митволь О.Л. Формирование и реализация информационной политики в СССР и Российской Федерации: 1917–1999 гг. : дис... канд. ист. наук : 07.00.02 / О.Л. Митволь. — Москва, 2004. — 331 с. — EDN [NOFGV](#).
14. Bitiutskai V.V. TASS News: Techniques for Working with Text in XX Century / V.V. Bitiutskai // Russian Linguistic Bulletin. — 2017. — Vol. 4, no. 12. — P. 65–67.
15. Битюцкая В.В. Советское информационное агентство: эволюция содержания и технологий деятельности (по материалам ТАСС) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / В.В. Битюцкая. — Санкт-Петербург, 2019. — 253 с. — EDN [PKYEW](#).
16. Русская журналистика в документах: История надзора / сост. О.Д. Минаева; под ред. Б.И. Есина, Я.Н. Засурского. — Москва : Аспект Пресс, 2003. — 396 с.
17. Викторов О.Н. Святослав Федоров: портрет врача на фоне эпохи / О.Н. Викторов. — EDN [PJVFQZ](#) // Вестник Чувашского университета. — 2012. — № 4. — С. 7–15.
18. Деев Л.А. Вклад академика С. Н. Федорова в развитие отечественной офтальмологии. К 80-летию со дня рождения академика Святослава Николаевича Федорова (1927–2000 г.) / Л.А. Деев // РМЖ. Клиническая офтальмология. — 2007. — Т. 8, № 2. — С. 85.

19. Надыргулова А.Р. История развития хирургии катаракты / А.Р. Надыргулова, О.А. Невейцева. — EDN [XHUDTR](#) // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. — 2016. — Т. 4, № 3 (14). — С. 56–66.

References

1. Vorster O.R. The Soviet Information Machine: The USSR's Influence on Modern Russian Media Practices & Disinformation Campaigns. *London School of Economics Undergraduate Political Review*, 2021, vol. 4, no. 2, pp. 106–112.
2. Schimpfössl E., Yablokov I. Post-Socialist Self-Censorship: Russia, Hungary and Latvia. *European Journal of Communication*, 2020, vol. 35, no. 1. — P. 29–45.
3. Ivanitskii V.L. *Modernization of Journalism*. Lomonosov Moscow State University Publ., 2010. 358 p.
4. Strovskii D.L. *Patriotic Elections in the Journalism of the Soviet Period, 1917–1985*. *Doct. Diss.* Ekaterinburg, 2001. 331 p.
5. Nudnyi P.N. *Development and Implementation of Information Policy in the USSR (1964–1985)*. *Cand. Diss.* Moscow, 2007. EDN: [QESJRF](#).
6. Sarma O.V., Antonova V.I. A.I. Ajubey: "He Opened a New Era in Our Journalism". *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya = Sign: the Problem Field of Media Education*, 2022, no. 3, pp. 49–54. (In Russian). EDN: [FAHKNB](#). DOI: 10.47475/2070-0695-2022-10305.
7. Novikova T.E. Commercialization of Russian Journalism as an Important Factor of its Development. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2017, no. 2, pp. 232–236. (In Russian). EDN: [ZGMOUH](#).
8. Kornilov E.A., Kornilova E.E. *Mass Communications at the Turn of the Millennium*. Moscow, Flinta Publ., 2013. 256 p. EDN: [SDRNML](#).
9. Sukharnikov P.V. Lighting Emergency Incidents in News Broadcasting Russian and Foreign TV Channels. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Moscow State Institute of Culture*, 2016, no. 1, pp. 153–158. (In Russian). EDN: [VWDKKD](#).
10. Grigoryev S.L. Screen Culture Ontology: Towards the Problem Statement. *Communicationology*, 2022, vol. 10, no. 2, pp. 57–68. EDN: [FDCFPI](#). DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-2-57-68.
11. Gureeva A., Anikina M., Muronet O., Samorodova E., Bakalyuk P. Media Activity of Modern Russian Youth in the Context of Value Systems. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 2022, vol. 1, pp. 25–44.
12. Kuzina N.V. Information Security in the Context of Pandemic: Methods for Stabilizing Society in Terms of Electronic Media and Internet. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*, 2020, vol. 6, no. 9, pp. 357–394. (In Russian). EDN: [YDHCSY](#). DOI: 10.33619/2414-2948/58/38.
13. Mitvol O.L. *Formation and Implementation of Information Policy in the USSR and the Russian Federation: 1917–1999*. *Cand. Diss.* Moscow, 2004. 331 p. EDN: [NOFFGV](#).
14. Bitiutskaya V.V. TASS News: Techniques for Working with Text in XX Century. *Russian Linguistic Bulletin*, 2017, vol. 4, no. 12, pp. 65–67.
15. Bityutskaya V.V. *Soviet News Agency: Evolution of Content and Performance Technologies (Based on the Materials of TASS)*. *Cand. Diss.* Saint Petersburg, 2019. 253 p. EDN: [PKYEWWT](#).
16. Minaev O.D., Esin B.I., Zasurskii Ya.N. (eds). *Russian Journalism in Documents: A History of Supervision*. Moscow, Aspekt Press Publ., 2003. 396 p.
17. Viktorov O.N. Svyatoslav Fedorov: The Portrait of the Doctor at the Epoch Background. *Vestnik Chuvashskogo universiteta = Bulletin of Chuvash State University*, 2012, no. 4, pp. 7–15. (In Russian). EDN: [PJVFQZ](#).
18. Deev L.A. S. N. Fedorov's Contribution to the Development of Russian Ophthalmology. To the 80th Anniversary of the Birth of Academician Svyatoslav Nikolaevich Fedorov (1927–2000). *RMZh. Klinicheskaya oftalmologiya = Russian Journal of Clinical Ophthalmology*, 2007, vol. 8, no. 2, pp. 85. (In Russian).

19. Nadyrgulova A.R., Neveytseva O.A. History of Cataract Surgery. *Vestnik soveta molodykh uchenykh i spetsialistov Chelyabinskoi oblasti = The Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk Region*, 2016, vol. 4, no. 3, pp. 56–66. (In Russian). EDN: [XHUDTR](#).

Информация об авторе

Битюцкая Валерия Вячеславовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, v.bityutskaya@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7995-5405>.

Author Information

Valeria V. Bityutskaya — PhD in Philology, Senior Lecturer of the Department of History of Journalism, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, v.bityutskaya@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7995-5405>.

Для цитирования

Битюцкая В.В. Советская журналистика 1960–1980-х гг. и российская журналистика 1990-х гг.: исторические мифы и реальная практика корреспондентов / В.В. Битюцкая. — DOI 10.17150/2308-6203.2023.12(2).248-262. — EDN [DPGHJQ](#) // Вопросы теории и практики журналистики. — 2023. — Т. 12, № 2. — С. 248–262.

For Citation

Bityutskaya V.V. Soviet Journalism of the 1960s–1980s and Russian Journalism of the 1990s: Historical Myths and Real Correspondents Practice. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2023, vol. 12, no. 2, pp. 248–262. (In Russian). EDN: [DPGHJQ](#). DOI: 10.17150/2308-6203.2023.12(2).248-262.